

**СЫН ОТЕЛЛО,
ИЛИ «ТРЕТЬИ» ЛЮДИ**

Пьеса в двух актах, трех картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ТОФИК – ученый, 40-45 лет.

АНУШ – его жена, 40 лет.

МАХМУД – их сын, 18 лет.

МОВСЕС – отец Ануш, 70 лет.

МАНСУР – сосед, 40-45 лет, ученый.

БАНОВША – его жена, 40 лет.

ЯСЕМЕН – их дочь, 18 лет.

ГОЧАЛИ – сосед, шофер, 30-35 лет.

ШАЗДА – его жена, 35 лет.

ШИРАСЛАН – молодой человек, 20-25 лет.

ВОЕННЫЙ – 25-30 лет.

БЕЖЕНЕЦ – 50-55 лет.

МИЛИЦИОНЕР – 35-40 лет.

АКТ ПЕРВЫЙ

Гостиная. Двери на кухню и в спальню. По другую сторону – дверь в прихожую. Посередине накрытый стол. Входит Ануш с посудой в руках.

АНУШ (*Раскладывая посуду на столе*). Эх... Каждый год, бывало, от звонков отбоя нет, гостей не счесть. А теперь вот телефон в углу, как черный кот, дрыхнет. И дверь не скрипнет. Как глухая стена. Будь прокляты те, кто замутил воду! В такой катавасии не то что именины, имя свое забудешь. Да и сам Махмуд, сыночек, запомнил.

(Входит Тофик, со стороны следит за ее хлопотами. Ануш, увидев его, делает передышку, садясь на стул.)

ТОФИК. Что за приготовления?

АНУШ. Да так... Вас дожидаюсь. А где Махмуд?

ТОФИК (*Озабоченно*). Кто знает. Наверно, скоро появится. (*Вдруг, словно спохватившись*.) Постой... какое сегодня число?..

АНУШ. 18 февраля 1991 года... 18 февраля...

ТОФИК. Надо же... Ты сварганила что-нибудь?

АНУШ. Все, что положено. И сама не знаю, зачем. Кому теперь это нужно? При таком бедламе...

ТОФИК. Нам нужно, жена. Мы породили сына, нам и печься о нем. Да, тяжкие дни, лихое время. Но ведь единственный сын, кровинка наша, как-никак день рождения.

АНУШ. Что слышно, какие вести?

ТОФИК. А черт знает. Вести – на экране. Не смотрела, что ли?

АНУШ. Нет, ай Тофик. Боюсь включать телевизор. Как увижу этих несчастных беженцев, гробы с молодыми шехидами – сердце разрывается. И... казнь, вроде и я причастна... виновата. Ничего не хочу слышать.

ТОФИК. Тоже скажешь. Ты-то причем?

АНУШ. Это ты так думаешь. А люди будут коситься – армянка, значит, тоже того поля ягода, вражье отродье. Ох, Тофик. Боюсь, как бы наш мальчик не умотал на войну.

ТОФИК. Не волнуйся. Если вздумает, меня оповестит, без спросу не уйдет.

АНУШ. Давай, помоги накрывать. (*Уходит на кухню. Входит Махмуд, радостно-возбужденный, оглядывается*).

МАХМУД. Папа! Папаня!

АНУШ (*Отзывается из кухни.*) Мы здесь, джана! Иду. (*Возвращается с подносом, уставленным фруктами.*) Где ты с утра пропадал?

МАХМУД. У нас будут гости?

ТОФИК (*И он входит с угощением.*) Сегодня у нас какое число, а? (*Раскладывая снесь.*) Подумай.

МАХМУД. Да, да... Я, было, забыл. Наши мне подарок преподнесли.

АНУШ. Кто это «наши»?

МАХМУД. Ну... бойцы наши. Сегодня отбили два села. Нахчиваник и еще одно, названия не помню. Вот это подарок.

АНУШ (*Роняет тарелку на пол.*) Вай... Ведь и наше село неподалеку от Нахчиваника.

ТОФИК (*Подойдя, берет у нее уцелевшую тарелку и кладет на стол.*) Да мало ли сел возле Нахчиваника!

АНУШ. Нет, чует сердце мое, наше. Мне снилось... Вай..

ТОФИК. Да пусть хоть и ваше! Жители как увидят, что войска идут, сбегут. Как наши беженцы, так и они – в другую сторону рванут. Кто станет ждать – мол, вот мы, убивайте.

АНУШ. Ну, в чем они виноваты? В чем?

МАХМУД. Ах, мама, с кем наши воюют, кто убивает шехидов, кто этих беженцев вышвыривал, пустил по свету? Армяне. И те тоже армяне.

АНУШ. А я – не армянка?

МАХМУД. Ты моя мама.

АНУШ. А там мой мама, отец.

ТОФИК. Ну, ладно, Ануш. Не порть мальчику именины.

АНУШ (*Утирает выступившие слезы.*) Даст Бог, обойдется... Прости, сыночек, цавет танем... перейму печали твои. (*Целует сына.*) Поздравляю тебя.

МАХМУД. Тогда, давай-ка я приглашу Ясемен с родителями. (*Ануш переглядывается с мужем, тот пожимает плечами.*) Ведь каждый год приглашаем.

АНУШ. Да, сынок. Они, конечно, люди хорошие, добрые соседи. Но... теперь, видишь, какое время... Может, они сейчас не изъявят особого желания...

МАХМУД. О чем ты, мама? С какой стати, что между нами случилось?

АНУШ. Ничего... Но из-за меня...

МАХМУД. Думаешь, и Ясемен не придет?

ТОФИК. Да почему же не придет? Все пожалуют! Мать твоя пустое городит. Нервишки. Ты – всегдашняя, та же самая Ануш, и они – те же самые соседи. Да, время смутное. Нам и самим не до застолий. Поживем – увидим.

АНУШ (*Пытаясь взять себя в руки.*) Да ну их всех к черту! Они заварили эту кашу! С жиру бесятся. Садитесь за стол. (*После паузы.*) Махмуд, матах, включи телевизор, послушаем, что говорят. Может, наше село уцелело...

МАХМУД. Ладно, мама, успокойся. Включу. Что-нибудь из кухни надо принести?

АНУШ (*Спохватившись.*) Ой, совсем голову потеряла, чтоб они провалились. (*Замечает валяющуюся на полу тарелку, рассыпавшуюся зелень.*) Ты неси, а я тут приберу.

ТОФИК (*Включает телевизор. Доносится скорбная мелодия, исполняемая на гобое.*) Вот тебе и телевизор.

АНУШ. Выключи, выключи! Не будем же превращать именины моего сыночка в панихиду.

ТОФИК. Вообще, в такой день не пристало справлять какое-либо семейное торжество...

АНУШ. Почему? Или, думаешь, я мало напереживалась? Я даже не знаю, живы ли, погибли ли мои отец, мама, брат. И с этой стороны сколько молодых парней погибло.. в Дашалты в засаду попали. Я восемнадцать лет отмечаю этот день рождения. Единственный мой байрам. Где мне знать, что завтра произойдет. Пока, слава Богу, ты жив-здоров, сын, слава Богу, с нами... Посидим скромненько, душу отведем.

ТОФИК. А мне-то каково, ты подумала? Вчерашние друзья-приятели обходят меня стороной... Шарахаются, как от прокаженного.

АНУШ. Я ли виновата?

ТОФИК. Да мне видеть тебя в таких терзаниях так же больно и тяжело. (*Выключает телевизор. Махмуд приносит из кухни еду, расставляет на столе.*) Да, день рождения – событие. Самое важное в жизни человека. Но...

МАХМУД. Извините, мои дорогие, я не такой уж толстокожий, как вам представляется. Знаете хоть, что у меня на душе творится?!

АНУШ. Сынок, ты на нас внимания не обращай. Мы души друг в друге не чаем. Ты-то чего переживаешь?

МАХМУД. Еще бы не переживать. Вы-то знали, какие счета были между нашими народами. Какая мина замедленного действия... Вы-то знали, что в какой-то момент «мина» может сработать..

АНУШ. Сынок, любовь слепа...

ТОФИК. Махмуд, когда человек любит, он не заглядывает в пятую графу анкеты. Я и теперь ничуть не сожалею о своем выборе...

АНУШ. И я благодарю судьбу, что свела меня с твоим отцом, сынок. Молюсь Богу.

МАХМУД. Какому же Богу?

ТОФИК. Если человек искренен в молитвах, не важно, к какому «Кибле» он обращает взоры.

АНУШ. Аллаху молюсь, сынок, Аллаху. Создатель един.

МАХМУД. Это ваше дело. Но почему, зачем вы произвели меня на свет? То есть такую вот «гремучую смесь» из разных кровей? И там, и здесь, вроде «белой вороны»...

ТОФИК. Да что ты мелешь, сынок?

МАХМУД. А то, что мы становимся заложниками вражды, мишенью ослепленных злобой и ненавистью людей... Без корней, без призора...

АНУШ. Не дай Бог! С какой стати вам быть без призора?

ТОФИК. Мы-то живы еще.

МАХМУД. При вас, живых-здравствующих, мы – «отрезанный ломоть»... У вас все ясно, у вас своя национальность, народ свой. Есть на кого опереться, есть к кому прислониться в час беды. А мы? Я не только о себе. Нас много на свете. От турка и русской, талышки и азербайджанца, курда и турчанки или наоборот, и еще, и еще. Мы – «третьи» люди. А куда вы нас припишете, причислите? Вот возьмете меня и отведете на майдан, скажете: люди добрые, вот наше дитя, поделите его между нами...

ТОФИК (*Иронически хлопает в ладоши.*) Пылкий монолог! Сынок, за тобой стоят два народа. Семнадцать лет, каждый раз на твоих именинах пили за твое здоровье, видя в тебе священный плод большой любви, символ дружбы двух народов.

МАХМУД. А теперь смотрят на меня, как на обелиск дружбы...

АНУШ. Чтоб глаза вылезли у тех, кто так смотрит на тебя! Как может быть такое?

МАХМУД. Может, мама, может. Ты видишь, и Ясемен не соизволила явиться... Семнадцать лет... с пеленок вместе росли...

ТОФИК. Да просто забыли, наверно. Сейчас позвоню.

МАХМУД. Нет, папа. Это естественно. А если и пригласишь – найдут предлог...

(Звонят в дверь.)

АНУШ. Махмуд, глянь, кто там.

(Махмуд отворяет дверь. Перед ним – Ясемен, Бановша, Мансур.)

МАХМУД (*Ошалело кричит.*) Мама, они пришли!

АНУШ (*Воздев руки.*) Слава Богу! (*С Тофиком устремляются навстречу гостям.*)

Какая радость! Легки на помине!

МАХМУД. Мама, ты говорила тете Бановше?

АНУШ. Да нет, ничего.

ТОФИК. Разве они забывали когда-нибудь этот день!

БАНОВША. А...а... Как такое может быть?! Ясемен сегодня чуть свет встала.

МАНСУР (*Жене.*) Да ты проходи, чего в дверях застряла. Я уже чую – угощение благоухает. Шевелись. У меня под ложечкой сосет... ну, привет вам и поздравления. (*Здороваются с Тофиком.*)

ТОФИК. Добро пожаловать, Бановша-баджи. Милости просим. Мансур, давай, проходи. И ты, Ясемен, девочка моя... как войдешь в дом – дом озаряется светом.

БАНОВША. Наш братец Тофик горазд на комплименты. Видишь, как наша красавица зарделась...

ЯСЕМЕН. Ну, мама, хватит тебе. (*Махмуду.*) Ты, выходит, на год постарел...

МАХМУД. И тебе через четыре месяца предстоит.

МАНСУР. Я тут повстречал Гочали, говорит, мы тоже скоро явимся. Но я не стал дожидаться – запахи вкусные раздражили меня...

МАХМУД (*Вполголоса Ясемен.*) Как хорошо, что ты пришла.

ЯСЕМЕН (*Тем же тоном.*) Папа припоздал, потому мы и застряли.

БАНОВША (*Услышав их перешептывания.*) Ануш, мы собирались прямо с утра зайти. Хотела подсобить тебе в готовке. Но вот муженек мой задержался.

ТОФИК. Ну, располагайтесь, рассаживайтесь. Гочали тоже скоро явится. Мансур-бек, сегодня нам полагается поддать.

МАНСУР. Без Гочали – не тот кайф. Дождемся. (*Звонят в дверь.*) Ага, легок на помине. (*Махмуду.*) Сынок, открой.

ШИРАСЛАН (*Входит с букетом в руке, все удивленно переглядываются.*) С днем рождения тебя, Махмуд!

МАХМУД. Каким ветром тебя занесло? Откуда пронюхал про мой день рождения? (*Шираслан вручает букет.*) Милости прошу. Входи.

ШИРАСЛАН. Прошу прощения, что пришел без приглашения. Недавно я составлял список членов кружка и сделал это «открытие». (*Звонят в дверь.*)

МАХМУД (*Открывает двери, привечая гостей.*) Гочали-ами, Шазда-хала, добро пожаловать!

ГОЧАЛИ (*Целуя его.*) Наконец-то научил тебя называть меня Гоч-Али! В Ичери-шехер много «гочи».¹ Но у Гоч-Али свой вес.

ТОФИК. Здравствуй, дорогой Али. (*Обнимаются.*)

ШИРАСЛАН. Мне знакомо имя «Гочали».

ГОЧАЛИ. Что значит «знакомо»? (*Махмуду.*) Кто этот парень?

МАХМУД. Приятель мой.

ГОЧАЛИ (*Шираслану.*) Так вот, дружок, имя мое весь Азербайджан знает. И в России знают меня – я туда товар возил, когда Советский Союз жил-был. А слышал ты танец «Гочали»? В мою честь.

ТОФИК. Входите, входите! (*Приглашает гостя во главу стола.*) Занимай свое место.

МАНСУР (*К Гочали.*) Тамада! За то, что ты опоздал и оставил нас впроголодь, тебя положено оштрафовать!

ГОЧАЛИ (*Садясь за стол.*) Ох-хо-хо! А этот штраф, наверно, в рюмке будет?

МАНСУР. Нет, в бокале.

ГОЧАЛИ. Принимаю ваши кары, и порукой – обе фары (*Прилагает руку к глазам.*) Наполните в таком случае бокалы. (*Наливают напитки.*) Итак, вижу, все в ажуре. Как положено, в натуре. (*Встает.*) Я предлагаю выпить первый бокал за здоровье отца и матери нашего дорогого именинника!

ТОФИК. Спасибо.

ГОЧАЛИ. По сути, это ваш праздник, Тофик-бей, Ануш-баджи. Ваше здоровье!

ШИРАСЛАН (*Нечаянно.*) Ануш?..

ГОЧАЛИ (*Недовольно косится на него.*) Чего ты там бормочешь?

ШИРАСЛАН (*Смешавшись, умолкает, затем, с деланной улыбкой.*) Я... вы уж простите... мне надо навестить еще один объект...

ГОЧАЛИ. Почему бы и не навестить? Навести, навести...

ШИРАСЛАН (*Встает из-за стола, Махмуд собирается подняться, чтобы проводить, но Шираслан жестом останавливает его.*) Не утруждай себя, ты именинник. Бывайте здоровы. (*Подходя к входной двери, в сторону.*) Ну и ну! Куда ни кинь в этом бардаке – армянский дух... (*Уходит.*)

(*За столом воцаряется неловкое молчание. Все сидят потупившись.*)

¹ Гочи (азерб.) – сорвиголова.

ГОЧАЛИ (*Стряхнув с себя минутное оцепенение.*) Черт возьми, все слова вылетели из головы! Ануш-баджи! Особо за ваше здоровье! Тофик-муаллим, за вас! Да будет день, когда на свадьбе Махмуда велю сыграть «Гочали» и спляшу. Эх, поехали! (*Пьет*).

ТОФИК. Пусть Аллах всех нас сподобит такой радости.

(*Снова молчание.*)

МАНСУР. Я сегодня в газете прочел, что видели снежного человека... Напали на след... Слегка ранили...

ШАЗДА (*Очнувшись от раздумья.*) Выпал снег, говоришь? В Ленкорани? (*Все смеются.*)

ГОЧАЛИ. Вы не смейтесь. У моей талышской половины всегда на уме Ленкорань.

МАНСУР. Тамада, разреши слово сказать.

ГОЧАЛИ. Давай, брат, слушаем.

МАНСУР. У меня предложение: отвлечемся на час от тяжелых вестей, выключим радио, телевизор, закроем двери, окна, вернемся в былые добрые времена... Отведем душу...

ГОЧАЛИ. Ну что ж, отведем. Вернемся... Я дам заднюю скорость, а вы за мной. Наполните бокалы. Я поднимаю тост лично за здоровье Махмуда. Машаллах, аттестат зрелости получил. Я тоже ведь окончил десятилетку... за двадцать лет... (*К Махмуду, неожиданно.*) Откуда ты нашел этого прохвоста?

МАХМУД. Он сам приперся.

ГОЧАЛИ. О таких говорят: «В каждой бочке затычка». Махмуд, я шофер, много путей-дорог проехал. Жизнь – та же дорога. Не всегда гладкая, накатанная. Случаются ухабы, колдобины, обрывы. Надо быть готовым, не удивляться.

МАХМУД. Гочали-ами, я давно ничему не удивляюсь.

АНУШ. Джан, бала.

ГОЧАЛИ. Будь здоров, Махмуд. Пропустим!

МАНСУР. Саг ол, будь, Гочали. Ты – уникам, ей-Богу. Последний из могикан Ичери-шехер.

ГОЧАЛИ. Братец, до «могикан» ты говорил хорошо. А что такое «могикан»? Не ругательство ли?

МАНСУР (*Смеется.*) Да что ты. Последний представитель махаллы.

ГОЧАЛИ. Ну, положим, не последний. Есть еще. Но я, правда, знаменитый.

ШАЗДА. Ануш-баджи, если не обидишься, слово скажу тебе.

АНУШ. Не обижусь

ШАЗДА. Мы здесь все свои. Чужих нет. Ради Аллаха, не обижайся, я тебе, как сестре, хочу сказать...

АНУШ. Да почему я должна обижаться?

ШАЗДА. Я вот подумала: может, поменять нам твое имя, а? Теперь власть разрешает. Мне кое-какие знакомые подсказали.

АНУШ (*Чувствуя, что взоры всех прикованы к ней в ожидании, опускает голову.*)
Нет, сестра. У меня есть имя свое. Сорок лет меня Ануш зовут. А так – нет, баджи, нет.

ГОЧАЛИ (*Шазде.*) Послушай, а чем плохо ее имя? Хуже «Шазды», что ли? Вы знаете, почему мою половину Шаздой называли? Ее дядя был председателем сельсовета. Тогда они выдавали метрики. Когда она родилась, ее мать брату своему, сельсоветскому, сказала, мол, запиши ее имя – «Шахзаде». А тот был безграмотный человек. Взял и накатал вместо «Шахзаде» «Шазда». Прочли, хватились, ошибка. Но никто со страху не пикнул.

ТОФИК. Неужели во всей Ленкорани не нашлось такого смельчака?

БАНОВША. Вахсей...

ШАЗДА. Да не в Ленкорани, а в Болади. А кто мог тогда заикнуться.

ГОЧАЛИ. Мать всю жизнь сокрушалась, я, мол, таким именем нарекла хорошим, а они – «Шазда»...

МАНСУР (*Смеется.*) По сути, я тоже с именем своим попал на крючок.

ГОЧАЛИ. Ну, ну. Выкладывай.

МАНСУР. Так вот. В Кельбаджаре окончил я школу, поступил в институт, остался в городе, у дальнего родича приютился. А отец мой насторожился, мол, поступишь в институт, я тоже переберусь в Баку, устройсь стригалем.

ГОЧАЛИ. А ты, муаллим, не сказал, что в Баку овец нет, чтоб стричь?

МАНСУР. Так он не овец, а людей стриг.

ГОЧАЛИ. Ну, это смотря в каком смысле...

МАНСУР. Гочали, не подкалывай. Отец мне говорит: «Приехать-приеду, а навару будет меньше».

ГОЧАЛИ. Это почему?

МАНСУР. Отец считал, что в Баку много лысых, плешивых, и клиенты прижимисты.

ТОФИК. Гочали, получил? Поделом тебе.

МАНСУР. Так вот, по селу затосковал я крепко. Повстречал вот эту красавицу (*Показывает на Бановшу*). Спросил имя, оказалось, «Бановша»¹. Клянусь, тут я растаял, прямо аромат фиалки ощутил, вообразил себя на родном приволье. Короче, расчувствовался и сам не помню, как с уст моих сорвалось: «Паду к ногам твоим, ай Бановша!...»

(Все смеются.)

ТОФИК. Машаллах!

ГОЧАЛИ. Ну ты даешь, брат!

МАНСУР. Вижу, девушка зарделась, как маков цвет... вот как Шазда-баджи жакет... Только выдохнула из себя «Аль Мансур!...» – и была такова. А я ахнул: надо же, она знает мое имя...

ГОЧАЛИ. Да ну?!

МАНСУР. Потом я узнал, что иные бакинцы другой смысл вкладывают в «Аль Мансур»... Короче, куда короли пешком ходят...

ТОФИК. Ну, а дальше-то как?

МАНСУР. Как я сказал «паду к ногам твоим» – она убедилась в серьезности моих намерений. В словах не было уже необходимости. Оставались кое-какие технические вопросы.

БАНОВША. Брось ты языком молоть, меня конфузить. Ладно, дома ты у меня получишь.

МАНСУР. Нет, я уж переночую здесь.

БАНОВША. Этого еще не хватало!

(Все смеются.)

МАНСУР. Это еще не все. Вот в прошлом году я узнал, что я, оказывается, курд.

ГОЧАЛИ. Да ну?!

ТОФИК. Вот уж не думал.

МАНСУР. Да я и сам не представлял себе.

ГОЧАЛИ. Остается нам хором спеть «Интернационал».

МАНСУР. И не говори. В прошлом году в институте ко мне подходит молодой человек, передал приветствие от кельбаджарского одноклассника. И пухлую книгу

¹ Бановша (азерб.) – фиалка.

вручает: курдский алфавит, курдско-азербайджанский словарь. И в нее вложен листок – наша родословная. Генеалогическое, так сказать, древо.

БАНОВША. Что-то ты мне об этом не говорил.

МАНСУР. Да мне и в голову не приходило. А что это меняет? Или вздумаешь разводиться со мной?

БАНОВША. Не дожدهшься! Вижу, куда ты гнешь...

МАНСУР. Да я твоего мизинца не променяю на красавиц всего мира. Пусть хоть Софи Лорен или Тюркян Шорай из кожи лезут вон – я и глазом не взгляну!

БАНОВША (Обеими руками хлопает его по плечу.) Жди! Завтра они так и прибегут!

МАНСУР. А зачем они мне сейчас? Уже в бабушки мне годятся.

(Звонят в дверь.)

ГОЧАЛИ. Я открою. Если снова тот тип окажется – спущу с лестницы.

МАХМУД. На то и шофер Гочали-ами.

ГОЧАЛИ. С «шофером» длинновато. Можно без.

МАХМУД. Гочали-ами, разреши мне самому открыть. Я сам ему растолкую.
(Идет в прихожую.) Дедушка! *(В голосе его – изумление, встревоженность. Все устремляются к двери.)* Дедушка, как ты сюда добрался? *(В гостиную входит Мовсес.)*

АНУШ *(Взволнованно.)* Отец! Входи, входи! *(В страхе.)* Махмуд, запри дверь!

ТОФИК. Мовсес-ами!

МОВСЕС *(Обнимает и целует Махмуда.)* Цветет танем, с днем рождения.

МАНСУР. Вот это сюрприз!

АНУШ *(Обняв отца, плачет.)* Как ты смог пробраться?! Вы мне снились... Как там мама, жива ли?

МОВСЕС. Да, жива, жива, а житья от нее нет, казнится, причитает, дескать, внука нашего убили, Ануш, говорит, замучили... Сукины дети, там такие слухи распускают. Мол, на бакинских улицах армянские головы, как мяч, гоняют пацаны... Слава Богу, вижу вас вместе...

ГОЧАЛИ. Честь тебе и место, дядя Мовсес. Ты скажи лучше, как насчет тутовки, прихватил с собой?

МОВСЕС. Эх, Гочу, Гочу... Кто о чем! Ара, нам такого жару задали, какая тебе тутовка. Ара, клянусь, этот народ с ума сошел. Здравствуй, Мансур. Дай и тебя поцелую.

Свет очей моих, Тофик-дждан... *(Устремляется к Тофику, замечает Ясемен.)* Ого, Жасмин-бала! Машаллах, как похорошела, заневестилась!

БАНОВША. Спасибо, дедуля! *(Подойдя к дочери, чешет ей бок, «чтоб сглазу не было»).*

ЯСЕМЕН *(Отводит руку матери.)* Здравствуй, дедушка Мовсес. *(Тихо матери.)* Мама, не срами нас.

МОВСЕС. Бановша, дочка, рад тебя видеть! Ты правильно делаешь, можно человека и от избытка любви сглазить. То, что мы вместе, кому-то бельмо на глазу. Наша с вами любовь...

ТОФИК. Ай киши, да ты прямо отчаянный храбрец. Как ты в такой катавасии добрался?

МОВСЕС. Долгая история. Да мне надоели старухины ахи, охи. Собрался с духом, думаю, была-не была, где убьют – убьют... *(К Ануш.)* Слава Богу, дочка, тебя увидел... в добром здравии...

АНУШ. А я за вас переживала... Я-то тут, как видишь, ничего, живу, спасибо, никто мне слова не сказал...

ГОЧАЛИ. И не смеют. У нее такой муж, как Тофик. Такой сын, как Махмуд. И такие соседи, как мы.

МАНСУР. Но ты, Мовсес-киши, нас переплюнул...

МОВСЕС. Ара, я пришел, чтобы показать свои седые усы. Чтоб знали: я мужчина, помнящий дружбу, родство. А не пришел бы на день рождения внука, распростился бы с усами. Или с жизнью...

ГОЧАЛИ. Благословение твоим усам! Давай-ка садись, устал ведь с дороги. Подели наш хлеб. Подкрепись, сто граммчиков пропусти. Уважаю, клянусь! Молодес!

МОВСЕС *(Садится за стол, все занимают свои места.)* Я сказал себе *(наливает водку.)*: двум смертям не бывать, а одной не миновать. Пустился в путь-дорогу. До сих пор не верю, что выбрался. *(Пьет.)* Послушай, это же тутовка!

ТОФИК. Да, та, что ты привез... Не нашлось охотника – осталась. Видно, судьба.

МОВСЕС. Вах, вах, я, кажется, прихожу в себя. В глазах посветлело. Смотрю на вас и не верю. Цвет танем! Была бы и старушка моя рядом...

МАНСУР. Гочали, тамада, я думаю, надо выпить за здоровье Мовсеса-киши! Через огонь человек прошел.

ГОЧАЛИ. Погоди, Мансур-бек. Мовсес дайи¹, ты вот скажи правду, ты там хоть переживаешь за нас?

МОВСЕС. Гочу, что тебе сказать... Валлах, насколько могу...

ГОЧАЛИ. Спасибо и на том. За твое здоровье!

ТОФИК. Он же рисковал жизнью ради того, чтобы прийти, повидать внука, дочь свою, Гочали. Вот это и есть переживать.

МОВСЕС. И тебя, Тофик, пришел я повидать. Тосковал по вам, ай Мансур, ай Гочу... Ай мои невестушки.

МАНСУР. Спасибо тебе, Мовсес-дайи.

МОВСЕС. Я дал себе слово, как войду в дом, начну с шутки. Но... не до шуток мне. Чтоб рухнул их дом.

ГОЧАЛИ. Чей дом?

МОВСЕС. Ара, видно, и у вас крыша поехала. Разве я пришел оттуда, чтоб сказать вам: рухни ваш дом?

ГОЧАЛИ. Мовсес-дайи, я хотел просто внести ясность.

МОВСЕС. Ара, я говорю о зачинщиках этой войны. О тех, кто столкнул этих двух упрямых козлов. Чего нам не хватало? Все было у нас. Жили – не тужили...

ТОФИК. Как там мой шурин Ашот? Как он смотрит на эту заваруху?

МОВСЕС. Мы к нему и перебрались, в Степанакерт...

ГОЧАЛИ. Он хоть вспоминает нас?

МОВСЕС. Ара, кто знает. То так, то этак. *(Смеются.)*

ГОЧАЛИ. Чего смеешься?

МОВСЕС. Вы про Ашота сказали, и мне старый анекдот вспомнился.

МАНСУР. Ну, расскажи.

МОВСЕС. Одного приводят в дурдом. Врач спрашивает: что с ним? Объясняют: мол, он твердит: «Я – чайник». Ну, год его лечат. Уверяют, убеждают, что он не чайник. Выписали, идет домой, увидев встречающих, сразу поднимает руку, изображает носик чайника. Я, говорит, чайник. Ему говорят: «Тебя же вылечили». Он: «Да у меня как увижу этих людей, внутри все закипает. Я становлюсь чайником». Так что вы полечите этих людей.

(Пересмеиваются.)

ТОФИК. А при чем тут Ашот?

¹ Дайи (азерб.) – дядя по матери; здесь – обращение.

МОВСЕС. А при том, что дома Ашот становится человеком, вас вспоминает, сестру свою... даже расстраивается до слез. А как выйдет на улицу, увидит этих, что орут «миацум, миацум!», его не узнать, ни дать, ни взять, «чайник» (*грустно вздыхает.*) Выпьем. Пусть Бог их образумит, мозги вправит, чтоб, сойдясь толпой, не кипятились «чайником», а людьми оставались.

ШАЗДА. Какой же это анекдот? Причем тут чайник? Чай? У нас, например, в Ленкорани...

ГОЧАЛИ (*Горько усмехается.*) Вот твои слова и есть анекдот.

МОВСЕС. Машаллах, Шазда-ханум. Совсем вы не изменились.

ГОЧАЛИ. Куда ей меняться? Все о своей Ленкорани томится.

МОВСЕС. Ты, значит, виноват. Повези туда, пусть побудет, насмотрится, отгадет душой.

ГОЧАЛИ. Думаешь, те, кто в Ленкорани, – сахар? У них у многих тоже изнутри закипает, заваривается... глядишь, через год-другой в «чайники» запишутся...

ШАЗДА. Видите, ему в горле поперек стала Ленкорань.

ГОЧАЛИ. Эх... русские говорят: «Сколько волка ни корми, он в лес смотрит». Ну, повезу я ее туда, она тоже, глядишь, присоединится к тамошним бузотерам, начнет со мной права качать. (*Жене.*) Чего вылупила фары?

ШАЗДА. Да я что такого сказала? Говорю, оставь Ленкорань в покое.

МАНСУР. Давайте выпьем за здоровье Шазда-баджи. Заодно и за нашу Ленкорань.

ШАЗДА. Спасибо, Мансур-гардаш¹. (*Гочали.*) Видишь? А у тебя язык не повернется доброе слово сказать. Приезжают мои ленкоранские родичи – не улыбнешься, все куксишься, тучей смотришь.

ГОЧАЛИ. Не бери мою рану. Приезжают целым колхозом, с каким-то тощим сазаном, располагаются, весь холодильник опустошают, а потом им постель постели, штабелями разлягутся, ночью по нужде надо выйти, шагай через них, перескакивай... (*Смех.*)

МОВСЕС. Да вы оба – золотые люди. А где дочурка ваша?

ШАЗДА. Бабушка с дедом увезли в Ленкорань погостить. А ведь этого не скажет – невыгодно.

ГОЧАЛИ. Один – ноль в твою пользу. (*Мовсесу.*) Да. Такие дела. А ты еще новость не знаешь.

МОВСЕС. Какую?

¹ Гардаш (азерб.) – брат; здесь – обращение.

ГОЧАЛИ. Мансур наш курдом оказался.

МОВСЕС. Да ну?

ГОЧАЛИ. Совершенно свежий факт. Он и сам только в прошлом году узнал. Год молчал, теперь вот признался.

МАНСУР (*Посерьезнев.*) Вообще-то шутки такого рода не по мне, но ты Гочали, тебе можно, – никак, пуд соли съели. Да, в прошлом году мне прислали толстый красивый том: курдско-азербайджанский словарь, составил бывший мой одноклассник.

Я теперь доктор наук, профессор, не отказываю и землякам в помощи, и все, кому не лень, бегут ко мне, кто срезался на экзамене, кто ногу сломал, или голову потерял... Так вот, словарь-то роскошно издали, и деньжата нашлись, а никто не заикнулся, мол, давай и твои труды издадим, подсобим... Я-то знаю, что это все сцены большой и недоброй игры. Вся эта патриотическая демагогия... Хотят вбить клин между народами. Между курдами и тюрками, например. Им бы погреть руки. А на судьбы людей наплевать. И на детей от смешанных браков. Таких, как Ясемен, Махмуд, Нургыз...

ТОФИК. А было время, когда такое поощрялось властью. И помогало в карьере. У кого мать или жена русская, тому «зеленый свет». Даже один руководитель партийный вирши сочинил. Что-то вроде «тот, кто выбрал русскую супругу, тому это впишется в заслугу...» А теперь, видишь, как оно обернулось? Остались дети – полукровки между двух огней. А в чем их вина? Они как заложники слепой ксенофобии. Махмуд вот сидит, слушает. А он недавно спрашивает меня: ты азербайджанец, у тебя нация своя, у мамы – своя. А кто же я? С кем я, за кого я? Вот ведь как. Ведь кровинка наша родная, плоть от плоти нашей, а теперь сортируют народы, нашла коса на камень, злоба ослепила людей, и куда деваться этим детям – «третьим» людям? Давайте, что ли, на земле, на планете, сыщем для них уголок, пристанище мирное, чтоб оставили хоть их в покое. Я не могу отправить Махмуда на фронт, в солдаты, – глядишь, ему пулю всадят в спину, свои же... мои соотечественники. А с той стороны – родичи Ануш...

МОВСЕС. Ой, что ты говоришь, что говоришь, не дай Бог! (*Запнувшись, хватается за голову, бьет себя по голове.*) Но... ты прав...

ГОЧАЛИ. Ну, это уже не именины...

ТОФИК. Почему же... Именины именинами... А правда такова.

МАНСУР. Да, надо смотреть правде в глаза. И в науке, и в физике твоей, Тофик, и в жизни. Как горька... Вот говорят: не сыпь соль на рану. А соль на рану сыплют, не чтоб бередить, а исцелить...

ГОЧАЛИ. Брат, я спрашиваю: сегодня мы собрались на день рождения или на политзанятие? Можем ли мы сейчас решить все эти больные вопросы?

ТОФИК. Сегодня – нет... Но сегодня забрезжил свет... Надо перешагнуть через вражду... злобу.. как Мовсес-киши перешагнул через фронт... не побоявшись смерти, пришел на день рождения внука. Если каждый из нас совершит столько же... такое же усилие над собой... над страхом... тогда можно предотвратить пожар, остановить бойню. Иначе эта эпидемия ненависти затуманит мозги, отравит души народов...

ШАЗДА. Как-то наша девочка там, в Ленкорани? А, Гочали? Может, позвонишь, пусть привезут Нургыз домой.

ГОЧАЛИ (*Пристально смотрит на жену.*) Да ты не бойся. (*Через силу улыбаясь.*) Клянусь жизнью! Пока Гочали жив, ничего не бойся. Кто нашей кровинке слово обидное скажет – язык отрежу.

МАНСУР. Мовсес-киши, а ты так и не рассказал, как тебе удалось пройти через фронт.

МОВСЕС. Это не секрет... (*Замявшись.*) Но...

ГОЧАЛИ. А что тут ломать голову? Он махнул в Ереван, оттуда – в Тбилиси, а там сел в поезд Тбилиси-Баку, купил билет в восьмой вагон, там мой брат Гаджибала проводником работает...

МОВСЕС. Ара, Гочали, ты как в воду глядел. Так оно и было, клянусь этим хлебом. В Тбилиси Гаджибалу увидел, так обрадовался, что прослезился. Обнял, расцеловал. И билет купить не дал. А по дороге мы с ним еще горло промочили. За ваше здоровье.

ГОЧАЛИ. В эту ночь переночуешь у меня.

МОВСЕС. Нет, нет, цавет танем. Я хочу побыть с детьми моими. А завтра – в путь.

ТОФИК. Так скоро?

ГОЧАЛИ. А моим гостем не будешь?

МОВСЕС. Спасибо, дорогой, спасибо, душа моя. Там у старушки моей сердце разрывается.

ГОЧАЛИ. Тогда я сам тебя провожу. Без меня не отправляйся.

МОВСЕС. Знаю, понимаю... Я, когда покинул село, надеялся найти Гаджибалу. Слава Богу, нашел. Но все равно бы я приехал.

ТОФИК. Ты посади его в поезд, вверь Гаджибале и возвращайся.

ГОЧАЛИ. А как же. Знаю.

МОВСЕС. Эх, жили мы, как в райских куцах. Земля – благодать. Кормила нас. Все было у нас: и школа на родном языке, и паспорта на родном языке. И Баку не оставлял помощью, если засуха, недород случался. Бог, если хочет покарать человека, сперва

лишает его разума. Да... жили мы получше, чем в Ереване, получше, чем в Баку... Куда лучше...

МАНСУР. Ну, а как теперь живется-можется?

МОВСЕС. А никак. Треп один. Приезжают из Америки, Франции, Еревана, набивают себе карманы – и привет.

ТОФИК. То-то и оно.

МОВСЕС. Ара, мы эту землю в карманы не положим, за границу не увезем же. Ара, опять же нам эту землю пахать. Нам коров, овец пасти, свиней держать. И что эта бойня нам принесет? Ни черта! Ни черта, кроме вражды!

(Звонит телефон.)

МАХМУД *(Берет трубку.)* Алло! Салам. Да, это я... Слушаю вас. Да. Это ты? Ну? Нет, ничего такого не произошло. Что? Не приходит завтра? Почему? Какое это имеет отношение? Не приходит? Ладно, ладно. Не приду. *(Расстроено кладет трубку. Некоторое время, потупившись, хранит молчание.)*

ТОФИК. Махмуд, что случилось?

МАХМУД. Да ничего...

ТОФИК. Я же вижу. Кто звонил?

МАХМУД. Пустяки.

МАНСУР. Сынок, ты уж выкладывай. *(Ясемен подходит к Махмуду.)*

ЯСЕМЕН *(Взволнованно.)* Ну, говори же, не тяни за душу!

МАХМУД. Да этот трепач был... Который дяде Гочали не понравился...

ГОЧАЛИ. Я таких пройдох за километр чую. Клянусь жизнью! Он, похоже, стукач! Чего он болтал?

МАХМУД. Завтра, говорит, не приходи в кружок.

ТОФИК. А что, заседание отменяется?

МАНСУР. Вот сук-к... *(Обрывает себя на полуслове.)*

МАХМУД. Я не имею права рисковать... А то начнут тыкать в глаза... мол, твоя мать армянка. Не знаю уж, что там может произойти.

АНУШ. Лучше бы я умерла...

ГОЧАЛИ. Таких надо бы давить, как клопов! Или пулей заткнуть глотку! *(Задумавшись.)* Да, идти тебе не след. Там всякие люди могут быть...

ТОФИК. Да... там и беженцы, и те, которые потеряли отцов, братьев... Сейчас у всех нервы на пределе. Ладно, хоть предупредил.

МАХМУД. Выходит, они больше меня любят родину. А я должен жить, прячась...
Зачем? За что? В чем моя вина?

АНУШ. Джан бала!¹ *(Плачет.)*

МОВСЕС. Ануш-джан, может, мне забрать тебя с собой?

АНУШ. Только этого не доставало... чтоб я бросила мужа, сына...

МОВСЕС. Если Тофик позволит, и Махмуда возьмем...

АНУШ. Да, отец, заберем... скажем, не с пустыми руками явились. Заложника вам привели...

МОВСЕС. Да что ты мелешь, Ануш-джан?

АНУШ. Да если я и одна уйду... начнут честить... гнобить... такая-сякая, за турка вышла, сына ему родила... Нет, отец. Мой дом – здесь. И родина здесь. Я полюбила Тофика, построила семью и счастлива с ним. И тем, что у нас Махмуд...

БАНОВША. Надо же, машаллах, какая речистая...

АНУШ. Да уж тут и камень заговорит, баджи. Не приведи Бог никому... Если любовь моя – грех, то режьте, повесьте, убейте меня! Здесь вины Тофика, Махмуда никакой нет!

МОВСЕС *(Воздев руки.)* О-о! О, Аствац²! Ты слышишь все, Всемогущий, Всевидящий! Ты внушал – ад на том свете. А что же это все? Что это такое, если не ад? Хуже ада!

Занавес.

АКТ ВТОРОЙ

Видна часть квартиры, основное пространство сцены занимает двор, на котором сработаны стол, лавка. Тофик сидит в комнате, задумчиво перелистывая газеты, отбрасывает их. Ануш подает ему чай, садится рядом. Всматривается в мужа. Тот делает вид, что читает.

АНУШ. Ай киши, вижу, ты не в себе. И газету в упор не видишь. Что с тобой?

ТОФИК *(Вымученно улыгнувшись.)* Ничего.

АНУШ. Скажи, облегчи душу.

ТОФИК. А что говорить?

АНУШ. Тофка, я ведь догадываюсь. Наверно, на работе тебе попортили кровь. Сказали, что жена у тебя армянка, потому...

¹ Бала (азерб.) – дитя, детка.

² Аствац (арм.) – Бог.

ТОФИК. Да нет. До этого еще не дошло. Наш институт – не закрытый, засекреченный какой-нибудь. Ты стала больно мнительной.

АНУШ. Тофик, не таи от меня. Я же вижу. Щадишь. А мне терять нечего. Не бойся, выкладывай. Я подобен арабу, у которого окошел верблюды...

ТОФИК. Вот уж не думал.

АНУШ. Ради Бога, скажи правду. Я ведь так напереживалась, что теперь на меня ничего не действует.

ТОФИК. Я... решил... отправиться на фронт.

АНУШ (*Испуганно.*) Что?.. Ты? В Карабах?

ТОФИК. Да... Товарищи мои едут. И я не могу им сказать: «Поезжайте, а я остаюсь».

АНУШ. В твои-то годы...

ТОФИК. В бою... за родину... нет возрастного ценза.

АНУШ. А ты о нас подумал?

ТОФИК. Я потому и иду, чтоб ты могла прямо смотреть людям в глаза.

АНУШ. Да черт со мной! Я не дрожу за свою шкуру!

ТОФИК. Махмуд может с ребятами умотать на фронт. С него станется... А если уеду я, он вынужден будет остаться. Ради тебя.

АНУШ (*Давясь слезой.*) Пусть уж он... А ты... тебе поздно воевать...

ТОФИК. Я бы согласился с тобой. Он и сам должен... На то и сыны, чтоб землю свою защищать. Но тут другое. На фронте воин должен быть уверен в товарищах по оружию. А если узнают, что у него мать армянка, найдется кое-кто... который будет подозревать неладное. И сыну придется держаться с оглядкой... И последствия могут быть тяжкие...

АНУШ. Ты прав. А если с тобой что случится?..

ТОФИК. Чему быть, того не миновать...

АНУШ. А после... ну да... (*Путаясь в мыслях.*) После ничего... Хотела сказать, кто тебя будет... (*Пытается улыбнуться.*) Послушай... (*Улыбается сквозь слезы.*) Когда?

ТОФИК (*Отворачиваясь, дрогнувшим голосом.*) Вечером... или завтра спозаранку. (*Смотрит на часы.*) Я выйду во двор. Мансур звонил, хочет что-то мне по секрету сообщить. Пойду встречу. А ты сваргань что-нибудь.

АНУШ. Поручи Махмуда ему. Я думаю, сын с Ясемен равнодушно друг к другу. Правда, Махмуд ничего не говорит, но, похоже...

ТОФИК. Чего там «похоже». Не видишь, она с него глаз не сводит. Махмуд смеется – она веселеет. Махмуд повесит нос, и она киснет... Ведь с пеленок вместе росли. И десять лет – за одной партой.

АНУШ. А как же здесь дела обернутся? *(Помолчав, про себя.)* Какие еще дела, ай Ануш, прах на твою голову!

ТОФИК. Не казись, не терзайся... Пусть все идет своим чередом, куда придем – придем. Перемелется, образуется, Аллах даст. Молишься – молись, а разницы нет, в какую сторону взоры обратишь.

АНУШ. Перейму печали твои, хочу слово сказать, пока не забыла. В тот день, когда отец мой приехал... и Шазда предложила мне поменять имя, я воспротивилась... Но не потому, что азербайджанское имя считаю зазорным для себя, Боже упаси. Просто привыкла к своему имени. Когда одна, поверяю свои печали себе, смотрю в зеркало, говорю со своим отражением, той Ануш, она как бы моя сопечальница. А если я ее окликну другим именем, это будет чужой человек... Ты, наверно, думаешь, что у Ануш ум за разум зашел, да?

ТОФИК. Нет, нет! *(Обнимает, гладит ее по голове.)* Отнюдь! Я понимаю тебя. *(Взглянув на часы.)* Я выйду во двор. *(Выходит.)*

АНУШ *(Глядя вслед.)* За что такая кара, Господи! *(Плачущим голосом.)* «Миацум, миацум...» Несчастные карабахцы... Думаете, закордонные братья осчастливят вас... Как меня «осчастливили»... Горе вам... Сорок лет пели, приплясывали: «Стали братьями навеки Аястан-Азербайджан...» Пепел на мою голову!.. Куда ему в такие годы на фронт? Ради нас в пекло бросает себя...

ТОФИК *(Спустившись во двор, садится на скамейку, смотрит в сторону дороги.)* У всех во взгляде читаю укор... Говорят о войне, косятся: мол, тебя эта тема не касается... И в институте на собраниях сторонятся под разными предложениями. Сколько же так может продолжаться? Час от часу не легче. Дойдут до того, что в лицо скажут: Если у тебя дома жена – армянка, то от тебя проку нет, вы же не пойдете воевать с карабахскими родичами – тестем, тещей, шурином и... потому как это дед и бабка, дядя твоего «отпрыска»... Выходит, я их опередил, сам себе сказал: да, выбор один – фронт. Причем сейчас, самое время. *(Появляется Мансур.)* Мансур! *(Машет рукой ему.)*

МАНСУР *(Подойдя, здоровается.)* Салам. *(Садится.)* Говорят, ты меня искал. К добру ли?

ТОФИК. Какое добро – в такую пору. Еду на фронт.

МАНСУР. Куда?

ТОФИК. Вопрос интересный. Воевать с армянами.

МАНСУР. Извини, я не в том смысле. Во-первых, твой возраст. И потом – ты хоть знаешь, где мушка, где курок у винтовки?

ТОФИК. Не «винтовки», а «оружия». У нас была военная кафедра. Имею чин лейтенанта. Кроме того, помнишь «Мешади Ибада», сто молодых за пояс заткну.

МАНСУР (*Пристально смотрит на него.*) Сейчас положение критическое...

ТОФИК. И что? Ждать затишья? Сына послать я не могу.

МАНСУР. Да, понимаю.

ТОФИК. А не отправлюсь я, тогда Махмуда не удержать. А так ему придется быть здесь, чтоб мать не оставлять одну.

МАНСУР. Пожалуй. Ты Ануш сказал?

ТОФИК. Да.

МАНСУР. Представляю... какой базлам поднялся... Надо мне Бановшу предупредить, чтобы твою половину не покидала.

ТОФИК. Я матери моей сообщил: мол, едем с товарищами из академии. Учти.

МАНСУР. Учел. Но твоим придется тяжело...

ТОФИК. Ты же здесь.

МАНСУР. Да. Но все равно...

ТОФИК. Знаешь, мне кажется, я был на грани открытия... Жаль недосуг, не додумал.

МАНСУР. Какое открытие?

ТОФИК. В связи с энергетикой. Простенькое, но очень выгодное решение.

МАНСУР. Ну и...

ТОФИК. Вот солнечную энергию используют, не так ли?

МАНСУР. Допустим.

ТОФИК. Так вот, человек сам излучает тепло, если учесть нормальную температуру тела, 36 градусов. Все это тепло уходит в воздух, в распыл.

МАНСУР. У нас на юге летом это обычная температура...

ТОФИК. Ну, я беру иное время года. Почему бы не приспособить микробатарейки к ручным часам, карманному фонарику? Элемент берет тепло человеческого тела и преобразует его в энергию. А плотная зимняя, скажем, одежда играет роль термоизолятора.

МАНСУР. Ну что же, идея резонная. Тебе бы довести ее до практической кондиции...

ТОФИК. Увы... времени нет.

МАНСУР. Сейчас на все находится время... Кроме науки.

ТОФИК. Это же очень просто. Сердце любого живого существа – генератор. Можно разработать, скажем, воинскую спецодежду, чтоб сохраняла и регенерировала тепло от тела носителя. Градусов, скажем, до двадцати пяти. В такой одежде человек, попавший даже под снежную лавину, может продержаться достаточно долго...

МАНСУР. Заманчиво. Разумно.

ТОФИК. Да уж. А стал бы разумный человек в такой момент заниматься такими вещами?..

МАНСУР. Как говорят одесситы, еще не вечер. Не сидеть же нам и нюни распускать. *(Доносятся голоса, шум.)*

ГОЛОСА. Долой армян! У-би-рай-тесь! Армянские квартиры – беженцам!

ШИРАСЛАН *(Появляется на сцене, при виде Тофика и Мансура, вскинув руку, подает знак шествующей толпе остановиться.)* Салам, Тофик-муаллим, салам, Мансур-муаллим! Как поживаете?

ТОФИК. Благодарствую, живем...

МАНСУР. А ты как? Вижу, дела идут полным ходом...

ШИРАСЛАН. Да, да. Это беженцы. Они правы. Остались без крова-гнезда. Говорят, такие хоромы оставили. Пусть теперь здешние армяне покинут свои дома.

МАНСУР. И ты показываешь им адреса?

ШИРАСЛАН. Да нет, списки из ЖЭКов берут. А я слежу, чтоб не было произвола, расправы, драки. А где Махмуд?

ТОФИК. Нет его дома.

ШИРАСЛАН. И в кружок не приходит.

МАНСУР. Занят, к экзаменам готовится.

ШИРАСЛАН. Какие экзамены в такое время... Ладно, я пойду. А то еще разбушуются, напортачат, беду учинят... Они, как сель, не удержать... *(Хихикнув.)* Но направить можно.

ТОФИК. Ступай, парень, ступай.

ШИРАСЛАН. Махмуду привет.

ТОФИК. Спасибо.

ШИРАСЛАН *(В сторону кулис.)* В этом квартале армян нет!

МАНСУР *(Смотрит вслед Шираслану.)* Ей-Богу, беженцев этот балабан сюда привел.

ТОФИК *(Усмехнувшись.)* Балабан?

МАНСУР. Гочали его так прозвал. Ну, дудка из тростника... Возомнившая себя боевой трубой.

ТОФИК. Как пить дать, он их и привел. *(Прибегают Махмуд с Ясемен.)* Что случилось, сынок?

МАХМУД. Где они?

МАНСУР. Кто именно?

МАХМУД. Беженцы.

ЯСЕМЕН. Тетя Шазда сказала, что они ищут армян в нашем квартале.

МАХМУД. Говорят, что в ЖЭКе им сообщили фамилию мамы.

МАНСУР. Приходили. Твой этот приятель-зурнач привет тебе передавал.

МАХМУД. Какой зурнач?

ТОФИК. Ну, зудила, хочет сказать.

МАХМУД. Зудила?

ТОФИК. То есть Шираслан.

МАХМУД. И он был с ними?

МАНСУР. Да. Он крикнул беженцам, что здесь армян нет.

МАХМУД. У меня сердце оборвалось. Думал, может, нагрязнули, маму напугали.

ТОФИК. Не бойся. Твоя мать – не из трусливых.

ЯСЕМЕН. Тетя Шазда отправила нас сюда, во двор, а сама, говорит, пойду к Ануш.

МАНСУР. Нет, мама твоя осталась дома.

ЯСЕМЕН. Как услышала крики, приступ у нее случился. Ничего, отойдет, подспеет...

ТОФИК. Тогда чего мы здесь торчим?

МАНСУР. Пойдем, отметим...

МАХМУД. Что именно?

МАНСУР. Завтра утром твой отец на войну отправляется. В Карабах...

МАХМУД. Да что вы?!

ЯСЕМЕН. Тофик-муаллим, это правда?

ТОФИК. Да, доченька.

ЯСЕМЕН....Ой, не надо вам... туда... Там страшно...

ТОФИК. Эх, детка, товарищи мои идут, а я – в кусты?

МАНСУР. Да, целая группа ученых мужей... Тофик там внедрит свое открытие... научное... Пришпандоришь к сердцу батарее, и тебе обеспечено внутреннее отопление. И мороз, и снег – до лампочки...

ТОФИК *(Смеется.)* Ну ты даешь, Мансур. Популяризатор!

МАНСУР. А больше всего мне понравилось, знаешь что? Плотная одежда тепло бережет, как ты сказал.

МАХМУД *(Повторяет.)* Плотная одежда бережет... Великое открытие... *(Закрывает ладонью рот, чтобы не прыснуть со смеху. Ясемен присоединившись к Тофику, хохочет.)*

ТОФИК *(Смеется.)* Мансур, прости... Я не над тобой, а над собой смеюсь. Давно я так не смеялся... Я знаю, не будь проблемы с мамой, мы бы оба отправились на фронт. Но давай здраво смотреть на вещи. Достоинство человека – в способности принять реальность такой, какая она есть. Иметь мужество держать удары судьбы... У кого есть, допустим, сын, один-единственный, свет очей, не приведи Аллах, случилась беда, болезнь, катастрофа, погиб. Тут слезами горю не поможешь, рвать волосы на себе, вопить не пристало. То же может произойти с отцом, с матерью. Не стало их, умерли, и ничего не попишешь. Трагична не смерть, а сознание непоправимой вины. А если произошло – держись. Не теряй лица. Я еду на фронт. Ты остаешься мужчиной в доме, защитой очага. Таков факт, заслуживающий того, чтобы его отметить, или полагается...

(Сцена меняется, и нам предстает семейное застолье.)

ЯСЕМЕН. Папа, дядя Тофик говорил совершенно о другом...

МАНСУР. Ну, оговорился я. Сказал, что элемент вставляют в сердце, а надо – в фонарик...

БАНОВША. Вы уж не обессудьте, когда он докторскую защитил, у него в голове полная каша произошла.

МАНСУР. Какая же каша? Я докторскую на одном дыхании накатыл. А вот с оппонентами вышла закавыка. Один окрысился, дескать, на мой труд не сослался, не назвал, другой взелся, что он якобы затронул этот вопрос еще в школьной стенгазете... хорошо бы, мол, найти и прочесть. А потом еще документация по защите, ужас, тягомотина. Как вспомню – волосы дыбом. Пока соберешь, оформишь – ни сил, ни копыя...

ТОФИК. Ну, ты перебарщиваешь. На твоей защите ведь и я был. На «ура» принят твой труд. Даже вопросов задавать не хотели...

МАНСУР. Потому что не терпелось банкета дожидаться...

ШАЗДА. Где же мой муженек застрял?

АНУШ. Не волнуйся, баджи, придет, куда же денется.

ЯСЕМЕН (*Махмуду.*) Как-то папа с работы пришел, говорит, анекдот расскажу, обхохочетесь. Рассказал, а мы с мамой друг к дружке прижались, мороз по коже. Он: чего не смеетесь? Может, не так я изложил, давай снова, мы замахали руками...

МАНСУР. Эх, дочка... Человек на войну отправляется, а ты нашла, о чем говорить. А где же наш Гочали? (*Звонят в дверь.*) Ага! Легко на помине. (*Махмуд бегом устремляется открывать дверь.*)

ГОЧАЛИ (*Входя.*) Слава семье аскера! (*Целует Махмуда.*) Клянусь жизнью, найти чистую водку стало проблемой. Тофик-муаллим, я тебе бушлат принес. На службе главная вещь. Ануш-баджи, возьми (*передает ей телогрейку.*) Положи ему в чемодан.

АНУШ. Спасибо. Вот удружил. Нужная вещь, теплая, надежная. Ты всегда, Тофик, застегивайся... (*Прослезившись, отворачивает лицо. Все стараются сделать вид, что не заметили ее расстройств.*)

ГОЧАЛИ. Это разве война? Недавно в Баладжарах одного добровольца увидел с берданкой, затормозил, куда, говорю, брат, путь держишь? В Карабах, говорит, на войну. Садись, говорю, в машину, хоть немножко проедешь. А он: чего мне спешить, потопаю на своих двоих. (*Смех.*) Я ему: да ты пока дотопаешь туда – война кончится. А он: ну окончится – вернусь восвояси.

ТОФИК. Конечно, странная война. В Карабахе российские части, армянские войска, наемники, девушки-снайперы из Прибалтики. А с нашей стороны – мошенники, собирающие деньги якобы на покупку оружия. А военспецов из Минобороны отстранили. Сами себе чины раздают. Аскеру, видишь ли, надо на собственные деньги оружие покупать. Вот каковы дела. Но все равно мы должны драться за землю, за родину постоять.

МАХМУД. Отец, по сути и армяне, и азербайджанцы войну объявили нам.

МАНСУР. Вам?

ТОФИК. То есть кому?

АНУШ. Махмуд, что ты мелешь?

ШАЗДА. Аллах упаси.

МАХМУД. Кому? Мне, Ясемен...

БАНОВША. Не приведи Аллах...

МАХМУД. Мне, Ясемен, Нургыз...

ШАЗДА. Вахсей!..

МАХМУД. Вот мы – три семьи, три смешанных брака. Сегодня армяне воюют с азербайджанцами. Засели в противоположных окопах. А я как бы не азербайджанец и не

армянин. Ни в том, ни в другом окопе мне не будут доверять полностью. Мое место – на самой линии огня, на скрещении ударов. И удары с обеих сторон через меня...

МАНСУР. Машаллах, молодо-зелено, а в корень смотрит.

МАХМУД. Завтра, если между курдами и тюркским народом разгорится «разборка», Ясемен, как я, окажется в эпицентре беды...

БАНОВША. Не приведи Аллах. *(Дергает себя за мочку уха.)* Чур!

МАХМУД. Гочали-ами говорит, что и талыши зашумели. Тогда Нургыз куда деваться?

ШАЗДА. Вахсей, вахсей... Ленкорань отдельной страной хочет стать...

ГОЧАЛИ. Да нет, жена. Если захочет стать – тогда...

ШАЗДА. Поезжай туда, привези дочурку нашу обратно.

ГОЧАЛИ. Послушай, если там каша заварится, то и ты станешь «импортной».

ШАЗДА. Типун тебе на язык!

ТОФИК. Вот, сыночек, какие мысли тебя гложут.

МАХМУД. А как же иначе? Я при таком раскладе, считай, сирота при живых родителях. Куда, к кому из вас прислониться? Эта война долго протянется. Советские вояки кайфуют себе там и постреливают. Если армяне и перестанут, эти не уймутся, чтоб масла в огонь подлить, а если огонь прекратится, перемирие наступит, то российским дядям придется сворачивать удочки. А куда им деваться? Эта зараза может перекинуться и в Россию.. И обязательно на линии фронта останутся меж двух огней миллионы тех, чьи родители имели несчастье полюбить друг друга, невзирая на национальность, и породить детей-полукровок. Мишень – мы. Но чем мы провинились? *(Тишина.)* В чем?

ГОЧАЛИ. Тьфу на такой взбесившийся мир!

МАНСУР. Я все мог представить. Но чтоб Махмуд мог здраво так рассуждать...

ТОФИК. Я чувствовал... Его однажды вот так же прорвало...

МАХМУД. Помнишь, отец? Как ты меня повел в театр на спектакль «Отелло»?

ТОФИК. Да, сынок... *(Невесело смеется.)* Ты пришел домой и сказал: «Папа, этот Яго очень дурной человек!»

МАХМУД. А я насмотрелся на этих «Яго» и с материнской стороны, и с отцовской. Я был мал, они при мне говорили: «Смотри-ка, в Ануш пошел. На лице что-то явно армянское». Это родичи папины. А мамыны: «Вылитый Тофик. Ишь, глазищи какие, волчонок. Турок». Все они – «Яго».

АНУШ. Вот еще новости. Какие это мои родичи?

МАХМУД. Мама, дело прошлое.

ТОФИК. Тебе надо было сказать.

МАХМУД. Тогда передрались бы, перессорились. *(Усмехнувшись.)* И я бы сам стал Яго...

ГОЧАЛИ. Верно мальчик говорит. Не заниматься же ему стукачеством было!

МАХМУД. Я тогда еще подумал, не задуши Отелло Дездемону, у них мог бы быть такой же сын, как я...

ГОЧАЛИ. Махмуд, клянусь жизнью, ты мне нравишься. Ты правильный парень, не парень, э, уже мужчина. Ладно, что Отелло ту бабенку прищучил, а то бы ты родился негритосом. А так – чем твой папаша хуже?

МАХМУД *(Смеется.)* Ну что ж с того, я появился на свет четырестами лет позже, – теперешние «Яго» расплодились, как клопы. И не дают нам житья...

ГОЧАЛИ. Чтoб этим «Яго»... чуть не сказал... Где моя рюмка? Тофик-муаллим, лично за твое здоровье! Поезжай, покажи этим подлюгам, где раки зимуют... *(Взглянув на Ануш, спохватился.)* Прости, Ануш-баджи. Подлость не имеет национальности...

АНУШ. Бог тебя простит. Сынок наш прав: все с ума посходили...

МАНСУР. Не понять, чего эти люди не поделили? Все должно иметь логику. Если хочешь жить лучше, зачем же рушить, стрелять, убивать?

ТОФИК. Иногда думаешь: вот бы подивились инопланетяне, глядя на наши дела... Весь наш земной шар предстал бы яблоком раздора... С одной стороны, не убий, не укради, люби ближнего, а с другой, – хапнуть побольше, урвать кусок у соседа, перетянуть одеяло на себя.. Злато-серебро добывают, песок промывают, копают, выкапывают, чеканят монеты, слитки тайком крадут и прячут в закут, закапывают...

ШАЗДА. Ага, говорили же, в Ленкорани кто-то тайник нашел, а там кувшин с золотом.

ГОЧАЛИ. Ну да, кто клад нашел, а я – Шазду...

БАНОВША. Твоя жена и есть клад! Благодарю судьбу!

МАНСУР *(Тофику.)* Ну-ка, надень свою солдатскую «экипировку», поглядим.

ГОЧАЛИ. Да, да, примерь бушлат.

ТОФИК. Не к спеху.

МАХМУД. Надень, папа, посмотрим, как выглядишь. *(Бегом приносит фотоаппарат из смежной комнаты.)* Надень. Снимемся. На память.

ТОФИК *(Надевает телогрейку.)* Ну как?

ГОЧАЛИ. В самый раз. Под твою комплекцию. Вот ваш аскер. Махмуд, щелкни. Погоди, я рядом стану. Мансур-муаллим, и ты давай сюда.

МАХМУД. Давайте сперва папу с мамой сниму.

ГОЧАЛИ. Что верно, то верно.

(Тофик и Ануш становятся рядом. Все хлопают в ладоши.)

МАХМУД. Мама, возьми папу под руку. Вот так. *(Тофик, высвободив руку, обнимает жену за шею, приближает лицо к ее лицу. Ануш, расчувствовавшись, плачет.)*
Ну, мама, так не годится!

АНУШ *(Давясь слезами.)* Ты... ничего... нич... *(Заходится плачем.)*

ГОЧАЛИ. Пусть облегчит душу.

ТОФИК *(Прижимает ее голову к своей груди.)* Ладно, успокойся... неудобно...

АНУШ. Да, да, прошло... Глаза на мокром месте... Прошло... Махмуд, сынок, снимай, не обращай внимания... Слава Богу, папа у тебя *(трогает Тофика за плечи.)* – как пехлеван... *(Голос у нее срывается.)*

БАНОВША *(С навернувшимися слезами в глазах.)* Да пусть выплачется, беденькая моя. *(Отвернувшись, утирает лицо.)* Настал ее Судный день.. Не трогайте ее...

АНУШ. Все, все, прошло, пусяки... *(Взяв себя в руки, утирает слезы.)* Ну, сынок, сними нас.

МАХМУД. Смотрите в объектив. Мама, ну же, улыбнись. *(Ануш с Тофиком через силу улыбаются.)* Вот так. Снимаю.

ЯСЕМЕН. Постой, дай-ка мне фотоаппарат. А ты иди, встань посередине.

ТОФИК. Вот умница!

ГОЧАЛИ. Золото, а не дочь.

ЯСЕМЕН. Махмуд, прижмись к ним. Сюда чуть поверни лицо. Снимаю. Раз, два, три! *(Щелкает фотоаппаратом).*

МАНСУР. Теперь давайте всей компанией.

ТОФИК. Нет, сперва меня с Мансуром.

ГОЧАЛИ. Что, брат, шофер не ко двору, что ли? Спасибо.

ТОФИК. Да нет, как может быть такое? Я всегда гордился и горжусь, что у меня такой сосед.

ГОЧАЛИ. Ладно, проехали. Но впредь не хотел бы такой вот «групповщины». Обиделся бы, да что поделаешь, на фронт отправляешься. *(Становится рядом, Махмуд снимает их троих.)*

МАНСУР. А теперь – всем. Стройтесь со своими половинами. А наши дети – посередине.

ГОЧАЛИ. А кто будет снимать?

МАХМУД. Наведу фокус – аппарат сам щелкнет. Становитесь вот так, Ясемен, ты чуть правее подвинься, так, мне место оставь. Вот, вот. Тихо! *(Установив аппарат, бегом занимает свое место. Аппарат снимает.)*

ТОФИК. Вот нам и память. Такого снимка у нас еще не было

ГОЧАЛИ. Иншаллах, вернешься с фронта – вновь снимемся. Похоже, вы без меня уже попиrowали.

ТОФИК. Как можно без тамады?

ГОЧАЛИ. Тогда чего мы ждем?

(Все садятся за стол.)

МАНСУР. Гочали, а ты не сказал, где раздобыл этот бушлат?

ГОЧАЛИ *(Наливая в рюмку водки.)* Да так вот. Был у меня клиент. С фронта. Я спросил, как там положение. Он говорит, мол, не по мне эта заваруха. Палят напрапалую, команды не слушают, не думают, что могут ненароком и своих шмальнуть. Короче, у него вышел конфликт, обида, и он умотал. Я ему: мол, сосед собрался на войну, он говорит: возьми бушлат и передай ему.

ТОФИК. Зря ты взял. Нехорошо получается.

ГОЧАЛИ. Почему? Человек обиделся и ушел с войны. И вряд ли туда вернется. Да и вообще, похоже, не горел желанием.

МАНСУР. Надо же. Обиделся – и покинул часть. Машаллах. Тофик, ты уж там не вздумай обижаться.

ТОФИК. Да мы же военное дело проходили. У меня звание, я лейтенант. Не то что эти самодеятельные выскочки. Покрутился, повертелся – и звездочку нацепил на погоны.

ГОЧАЛИ. Тофик-гардеш¹, мое пожелание: вернись живым. Сегодня все здравицы – в твою честь. У меня, знаешь, есть пистолет – память от деда. Прятал всю жизнь. И «пушку» он мне тайком вручил, наказал, мол, храни. И три патрона впридачу. Так что бери, пригодится.

ТОФИК. Да нет, спасибо. У самого охотничий винчестер. И две пачки патронов. Но эта война не такими средствами ведется. Спасибо, братья мои. Спасибо, друзья. Хотел бы попросить: «Берегите наших. Оставайтесь с миром».

(Свет гаснет. Предстает декорация первой картины второго акта.)

¹ Гардеш (бакинский говор – гардеш) (азерб.) – брат.

БАНОВША (*Появляется с Ясемен, обе выглядят усталыми.*) Ох... терпеть не могу ходить по магазинам, базарам. И все напрасно. Не нашли для тебя ничего путного. Ох... Ноги не держат. Давай-ка присядем.

ЯСЕМЕН. До дома рукой подать. Там и передохнем.

БАНОВША (*Садясь на скамейку.*) Поди сюда (*Показывает ей место возле себя.*) Сядь. Домой придем, твой отец сразу начнет: подай чай, подай еду, то се, передыха не будет.

ЯСЕМЕН (*Присаживается.*) Махмуд, наверно, меня ищет сейчас.

БАНОВША. Махмуд, Махмуд... Уши мне прожужжала...

ЯСЕМЕН. Мама, ну зачем ты так?

БАНОВША. А что мне молчать? (*Понизив голос.*) Чего ты приклеилась к этому полуармяшке?

ЯСЕМЕН (*Пытаясь возразить.*) Мама...

БАНОВША. Цыц! Молчи уж. Гляди, с кем водится внучка Мешади Гаджикули! Да он в гробу перевернется!

ЯСЕМЕН (*Ошарашенно.*) Мама, да что ты говоришь? Мы же сызмала вместе. В садик ходили, десять лет за одной партой...

БАНОВША (*Перебивая.*) Будь проклят день, когда мы стали соседями! Снесли наш дом и вот сюда упекли... Смешали всех в ералаш!

ЯСЕМЕН. Мама!.. Дядя Тофик месяц как на фронт ушел... А до того вы души не чаяли друг в друге... Что же теперь произошло?

БАНОВША. Тофик – человек достойный. Да вот, видишь ли, породнился с чужой породой.

ЯСЕМЕН. А кто все время ворковал: «Ануш-баджи»?..

БАНОВША. Вай, вай, тоже мне «баджи». Упаси Аллах.

ЯСЕМЕН. Не вы ли любили-жаловали и дедушку Мовсеса, бабушку Айкануш? Встречали-привечали, обнимали, целовали?

БАНОВША. Так это было время другое, советское. Приходилось... А как же иначе? Кто на армян косо посмотрел бы, тому глаз вон. Предки того Мовсеса, дед мой сказывал, в восемнадцатом году в Баку учинили бойню, за три дня перегубили тринадцать тысяч азербайджанцев. Благодарение судьбе, что после турецкие войска пришли к нам на помощь.

ЯСЕМЕН (*В отчаянии.*) Что же, по-твоему, Махмуд все это натворил?

БАНОВША (*Сердито.*) Яблоко от яблони недалеко падает. Махмуд – сын Ануш... Ты видела, когда Ануш предложили поменять имя, она заартачилась. Настоящая армянка.

ЯСЕМЕН. Чего ж вы якшались, дружили?

БАНОВША. Я же тебе долдоню – как же было иначе. Отец твой – ученый, профессор. Мы – семья интеллигентная...

ЯСЕМЕН. Интеллигентная – значит, двуличная

БАНОВША (*Взъярившись.*) Заткнись! А то вырву язык твой! «Махмуд, Махмуд?..» Не видишь, копия своей матери...

ЯСЕМЕН. Чем он похож на тетю Ануш?

БАНОВША. Нутром! Вспомни, на проводах отца что он сморозил?

ЯСЕМЕН. Ну что?

БАНОВША. Я, говорит, сирота при живых родителях.

ЯСЕМЕН. Так он в другом смысле сказал.

БАНОВША. В другом, в другом! Родителей, считай, заживо хоронил. Разве наши мусульманские дети такое сморозят? Тут-то он и выдал свою породу.

ЯСЕМЕН. Нет, мама. (*Твердо.*) Я как отношусь к нему, так и буду.

БАНОВША (*Оцепенев.*) Ка-ак? Что это значит?

ЯСЕМЕН. Мы были всегда вместе. Так и впредь.

БАНОВША. Может, не приведи Аллах, ты втюрилась?

ЯСЕМЕН. Не знаю. Но десять лет мы дружили. Делились последним. Сейчас, когда остаюсь одна, кажется, нет моей пары. Частицы души, сердца. Я не знаю, как это чувство называется. Но то, что ты мне предлагаешь, имеет точное название. Предательство. Я не могу предать его.

БАНОВША. Вот. Дожили. Докатились. Стыд и срам.

ЯСЕМЕН. Пойдем домой. Папа меня поймет.

БАНОВША. Да как пойду. Твой отец сам наказал мне – вразуми ее, растолкуй, купи ей, что хочет, приведи.

ЯСЕМЕН. Понятно. Спасибо, мама...

ГОЧАЛИ (*Торопливо вбегают.*) Бановша-баджи! (Показывает за кулисы.) Там толпа беженцев расшумелась, сюда направляется. Вы идите домой, сообщите Мансур-муаллиму.

БАНОВША. Мансура нет дома. Я пойду. Ясемен, пошли.

ЯСЕМЕН. Гочали-дайи, я Махмуду скажу. Может, и милицию позвать?

ГОЧАЛИ. Нет, пока подождем, поглядим. Предупреди Ануш, пусть не показывается.

ЯСЕМЕН. Хорошо. (*Уходит.*)

ГОЧАЛИ (*Вдогонку ей.*) И Махмуда не выпускайте из дому.

ЯСЕМЕН. Спасибо, Гочали-дайи. *(Пускается бегом.)*

ГОЧАЛИ *(Обеспокоенно оглядывается, присаживается на скамью.)* Ну и дела! Зашпыняли, затравили женщину! Ты, мол, армянка. Ну что ж с того, ведь у нее муж есть, сын есть, соседи есть, друзья есть. Человек положился на меня. Мы что, ограши¹? Черта с два! Только через мой труп они пройдут туда! Может, прихватить мне «пистон». Да нет, пожалуй. Милиции в иной раз не дозовешься, а тут они прицепятся, ага, незаконное оружие носишь! Обдерут, как липку. *(Появляется Шираслан.)* А, поди сюда. Это ты дал фитву²?

ШИРАСЛАН *(Ухмыляясь.)* Какая фитва?

ГОЧАЛИ. Ну, пусть не фитва, а донос.

ШИРАСЛАН. Да нет, Гочали-киши, что ты! Люди, видишь, как возмущены. Их вышвырнули из родных очагов, кого зарубили, кого избили, изгнали – в тряпье, босые, голодные, холодные тащились, добрались сюда, видят, в лучших квартирах армяне сидят, кайфуют себе. И что этим несчастным делать? *(Показывается толпа.)* Вот они... идут...

ГОЧАЛИ. Не идут, а ты их направил.

ШИРАСЛАН. Они сами прознали, что здесь армянка живет.

ГОЧАЛИ. А то, что у нее муж – азербайджанец, не узнали?

ШИРАСЛАН. Будто муж благое дело совершил. Вместо того, чтоб на своей жениться, он пригрел и кормил армянку.

ГОЧАЛИ. Вы вот нагрянули сюда, а ее муж на фронте вас защищает, на смертный бой пошел. Об этом знают? *(Толпа обступает Гочали. Начинается спор, перебранка. Из окна дома с тревогой выглядывают Ануш, Шазда, Ясемен, Махмуд.)*

МАХМУД. Мама, дай мне отцовское ружье!

АНУШ. Нет, сыночек. Беду натворишь.

МАХМУД *(Взволнованно.)* Мама, если с дядей Гочали что случится, будет поздно. Их изгнали силой оружия. Пока не увидят дуло – не уймутся. Дай ружье! *(Не дожидаясь, бежит в другую комнату и возвращается с ружьем.)*

АНУШ *(Махмуду, слезно.)* Паду к ногам, цавет танем, не стреляй! Не пятнай руки кровью! Ясемен, он тебя послушается. Беги за ним, не дай учинить беду! *(Ясемен бежит вдогонку за Махмудом.)* Где же Бановша-баджи, Мансур?

ШАЗДА. Ясемен говорила, их нет дома. *(Махмуд с оружием спускается во двор. Ясемен становится рядом.)*

МАХМУД. Гочали-ами, они не меня ли ищут?

¹ Ограш (азерб.) – здесь: человек без чести.

² Фитва (азерб.) – приговор о каре (по шариату.).

ГОЧАЛИ. Нет, нет, Махмуд. Успокойся.

МАХМУД. Гочали-ами, ты отойди в сторону.

ГОЧАЛИ (*Подходит.*) Сынок, опомнись. Они ни о ком не обмолвились. По ошибке, видать, пришли.

МАХМУД (*Шираслан и кое-кто из беженцев хотят ретироваться. Остальные в замешательстве.*) Шираслан, стой на месте! Двинешься – застрелю! Ты-то знаешь – я стрелять умею. Ни с места!

ГОЧАЛИ. Земляки, угомонитесь! Махмуд, сынок, Шираслан тоже не виноват. Какой-то подонок им донес, что тут живет...

МАХМУД. Да, живет армянка! И она – моя мать! Девять месяцев меня под сердцем носила. Восемнадцать лет лелеяла, растила, берегла. Она – моя мать. Она дала мне жизнь! Если я не смогу ее защитить, то грош мне цена! Тогда пусть боком мне выйдет отцовский хлеб! Тогда я не достоин зваться сыном Тофика. Ну, подходите! Кому охота получить в лоб!

ШИРАСЛАН (*Испуганно, просительно.*) Махмуд, перейму печали... да мы разве... слово сказали... разве не знаем, что твой отец на всю страну известный ученый Тофик Делидаглы сражается с оружием в руках...

1-Й БЕЖЕНЕЦ (*Надвигается на него.*) Ах ты, сукин сын... если уж знаешь... чего ж ты нас сюда привел?

МАХМУД (*Наводит ружье на Шираслана.*) На колени! (*Тот опускается на колени, приняв жалкий вид.*)

ЯСЕМЕН (*Хватает Махмуда за плечо.*) Махмуд, милый, опомнись!

ГОЧАЛИ. Махмуд, опусти ружье! (*Беженцам.*) А вы, люди добрые, уймитесь, ну, понятно, беда, горе, сбежали, живы остались, молитесь Аллаху. Власть о вас позаботится... руку протянет...

2-Й БЕЖЕНЕЦ. Ай, дорогой, перейму печали, а где она, власть твоя? Была бы власть – защитила бы нас, не дала бы в обиду. А ты, парень, знай, что мы прошли через огонь, уже пуганые, нас не запугаешь, как вот этого слизняка... Раз уж он привел нас к очагу семьи аскера, то не марай руки его кровью, позволь мне вклепить ему как следует... Мы беженцы, но не ограши. (*В этот момент на сцене появляется здоровенный человек в военной форме и рядом с ним милиционер. Они обводят взглядом окружающих.*)

МИЛИЦИОНЕР. Что тут происходит?

ГОЧАЛИ. Да так... недоразумение...

ВОЕННЫЙ. Здесь проживает Махмуд Делидаглы?

МАХМУД (*Опуская ружье.*) Да. Это я. А в чем дело?

ВОЕННЫЙ. Ты сын Тофика Делидаглы?

МАХМУД (*Встревоженно.*) Ну что случилось?

ВОЕННЫЙ. Кто у вас дома?

МАХМУД. Мать и я. И они (*Показывает на Ясемен и Гочали.*)

ВОЕННЫЙ (*Подходит к Гочали.*) Вы старший, значит. Вынуждены сообщить, как это ни тяжело... Тофик-бек пал смертью храбрых на поле боя... Мы привезли... чтобы похоронить в Аллее шехидов...

(Ружье подрагивает в руках у Махмуда. Гочали, стремительно подойдя, перенимает у него винчестер и передает Ясемен. Шираслан оседает на землю и обеими ладонями бьет себя по голове.)

ГОЧАЛИ. Снеси, дочка, домой. (*Ясемен не двигается с места.*) Отнеси, говорю, домой. И сообщи, так, мол, и так. Нет, скажи Шазде, пусть она... Ну, ступай, дочка. (*Ясемен медленно направляется к дому. Гочали, видя, что Махмуда бьет дрожь, усаживает его на скамью.*) Присядь, присядь, крепись...

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС МАХМУДА (*Озвученный магнитофонной лентой.*) «Держись... Имей мужество смотреть правде в глаза... Не рви на себе волосы... Умей держать удары судьбы... Ты говорил, отец... говорил... Но как мне выдержать... вынести... я не плачу... нет... не плачу...»

ВОЕННЫЙ (*Беженцам.*) Ну, помогите, надо принести гроб. Шехид что ангел. Как был – в таком облачении и предается земле. (*Несколько человек устремляются за гробом.*)

(Ясемен с ружьем в руке входит в комнату.)

ШАЗДА. Что там говорят? Что эти люди хотят?

АНУШ. Ясемен, на тебе лица нет! Что случилось? Я видела, как Махмуд рухнул на скамью...

ШАЗДА. Ну что, язык проглотила, что ли?

АНУШ. Говори! Чую, рухнул мой очаг!

ЯСЕМЕН. Да... Тофик-ами.. его... он стал шехидом.

ШАЗДА. Вахсей, вахсей! Горе нам, горе!

АНУШ. О, Боже мой! Боже мой!

ШАЗДА (*Выглядывая в окно.*) Вахсей! Гроб несут!.. Идем, дочка, идем к Махмуду..

АНУШ (*Смотрит в окно.*) Ты пришел, Тофик. Вернулся... Оставил меня... бросил меня... Я не смогу защитить сыночка нашего, Тофик, я ему обуза... обуза и горе...

Говорил, крепитесь, держитесь... не убивайтесь... слезами горю не поможешь... Я уже тогда чувствовала, что это твой прощальный наказ... завещание... Ты видишь: я держусь... я молчу... я умолкну... навсегда... *(Выхватив ружье, идет в соседнюю комнату. Раздается выстрел. На звук выстрела Шазда с Ясемен бегут назад, в квартиру.)*

ГОЛОС МАХМУДА *(Озвучиваемый на магнитофонной ленте.)* Вот она, мама... Моя мама... Мамочка! *(Вскакивает с места.)* Неужели?.. Мама-а-а! *(беженцы обступают гроб, звучит зауспокойная молитва.)*

МАНСУР *(Подойдя, становится рядом с Гочали.)* Я только что услышал...

ГОЧАЛИ *(Показывает на гроб, заходится плачем, Мансур пытается успокоить его.)* Ушел... Улетел птицей... Чуюло мое сердце...

МАНСУР. Крепись! Возьми себя в руки. Надо позаботиться теперь...

БЕЖЕНЕЦ. Муаллим... мы в последнее время только и занимаемся, что хороним шехидов... не беспокойся, мы сами все, что нужно, утрясем... *(Шираслану.)* А ты убирайся отсюда! С глаз долой!

МАНСУР *(Сунув руку в карман, подходит к беженцу.)* На расходы понадобится...

БЕЖЕНЕЦ. Не подобает, муаллим. *(Кивает на Гочали.)* Брат покойного с нами. Притом, какие расходы? Мы сами проводим его в последний путь, сами похороним. Как-никак, мы же мусульмане.

МАНСУР. Я был близким другом покойного. Соседи мы.

ГОЧАЛИ *(Мансуру.)* Парень, чего доброго, может помешаться... *(Из квартиры доносятся плач, причитания.)* Может, не приведи Аллах, с отчаяния себя порешить... Вели Ясемен, пусть глаз с него не спускает.

МАНСУР. Лучше ты сам! Поднимись к ним. Побудь там. А я тут буду. Говорят же, пришла беда – отворяй ворота...

(Наверху плачут женщины. Махмуд хочет пройти в комнату, Ясемен преграждает ему путь.)

ЯСЕМЕН. Тебе не надо туда...

МАХМУД. Мама!..

ЯСЕМЕН. Она забрала у меня ружье, я думала, чтоб запрятать. *(Бановша простирает руки к Махмуду, стремясь обнять, утешить, но дочь преграждает ей дорогу.)* Не надо, мама, ты стой в сторонке.

БАНОВША *(Ошарашенно.)* Да что ты, дочка моя?!

ЯСЕМЕН (*Сдерживаясь.*) Махмуд – не ребенок. Все понимает. В твоих утешениях нет нужды!.. (*Она подчеркивает: «в твоих».*)

МАХМУД. Дай взглянуть! Может, жива еще! Врача!

БАНОВША (*Плачет навзрыд.*) Так она, горемычная, сразу... скончалась... Голову... разнесло...

МАХМУД. О-о-оо... (*Ему становится дурно.*)

ЯСЕМЕН. Мама, замолчи!

(*Махмуд, рванувшись, устремляется в смежную комнату, Ясемен бежит за ним.*)

ШАЗДА (*Подходит, всполошенно.*) Что случилось?

БАНОВША. Да я... сказала, что голову несчастной разнесло...

ШАЗДА. Вахсей, вахсей.. Отсохни твой язык! Да разве можно такое говорить... Он же дитя... Ясемен, уведи Махмуда, умоляю, уведи вниз, во двор, и Гочали пусть идет сюда.

ЯСЕМЕН. Махмуд, милый, родной, возьми себя в руки...

БАНОВША (*В сторону.*) А, уже милый, родной... Мне она такого в жизни не говорила. (*К Ясемен.*) Идите, ступайте вниз, чтоб возле гроба наши люди находились. Здесь тоже много еще хлопот..

МАХМУД. Хлопот... хлопот... Смерть моего отца, моей матери, оказывается, – это хлопоты...

ЯСЕМЕН. Ну, мать, может, не так выразилась. Перейму печали твои, пойдем вниз. (*Уводит Махмуда.*)

ШАЗДА. Бедный мальчик не в себе...

БАНОВША. Ты, Шазда, видела мою дочь... как она с матерью обращается?

ШАЗДА. Нашла, о чем тужить! Тут такого человека в гробу привезли, жена себя убила, а ты... о ерунде болтаешь. Где же Ануш, несчастную, похоронят, а?

БАНОВША. Откуда мне знать?

ШАЗДА. На старом кладбище у вас участок свободный... Может, там и...

БАНОВША (*Перебивает.*) Ты что, не соображаешь? Да прах моей бабушки огнем займется. Вон, есть армянское кладбище. И ей покойно будет, и тамошним усопшим. Гочали то кладбище хорошо знает.

ШАЗДА. Это как понять?

БАНОВША. Он же таксист. Столько клиентов туда возил.

ШАЗДА. Первый раз слышу, чтоб покойники на такси разъезжали.

БАНОВША. Эх ты, талышка, не покойники, а их близкие.

(Ясемен с Махмудом подходят к столу во дворе. Сидевшие на скамье встают, уступая Махмуду место.)

МАНСУР *(Показывая на дом.)* Махмуд, сынок, как же так могло произойти?

(Махмуд горестно взирает на него, пожимая плечами.)

ЯСЕМЕН. Я отнесла ружье. Они смотрели из окна. Ануш-хала прямо окаменела. Даже и не плакала. Забрала у меня ружье и тихо-спокойно прошла в смежную комнату. Кажется, что-то прошептала, но я не расслышала. Потом... грохнуло... Сейчас Шаздахала с остальными там приводят все в надлежащий вид... Просили, чтоб Гочали пришел помочь им.

ГОЧАЛИ. Да, да. Я пойду. *(Уходит.)*

МАХМУД *(Обводит пристальным взглядом лица беженцев и говорит совершенно хладнокровным тоном.)* Поздравляю вас... Вы победили армян. Остался один я. Ну, давайте, кончайте меня! Вам же нужно жилье. Заселяйте. С новосельем!

БЕЖЕНЕЦ. Сынок, перейму твои печали, за что бередишь наши раны? Думаешь, душа у нас не болит за этого вот шехида? И мы много жертв понесли. С каждым шехидом мы вновь и вновь умираем... Это нас убивают... Нашу память, наш род, наше будущее... Сынок, у нас сердце – не камень, и это – наше горькое горе, общее, неизбывное горе.

МАНСУР. Простите. И поймите состояние Махмуда.

БЕЖЕНЦЫ. Да мы не в обиде. Он достойный сын своего отца. Мы между собой говорили, дивились его выдержке, мужеству в такие юные годы. Муаллим, как вы посоветуете, проводим этого покойника или дождемся, пока и покойницу соберут?

МАНСУР. Куда собираетесь направиться?

ВОЕННЫЙ. В Аллею шехидов. Там положено хоронить павших в бою...

МАНСУР. Пусть и покойницу вынесут. Как-никак двадцать лет вместе прожили. Пусть хоть пять минут покоятся рядом. А после похороним каждого в своем последнем приюте...

БЕЖЕНЕЦ *(Утирает слезы.)* Верно, воля ваша.

ВОЕННЫЙ *(Мансуру.)* Муаллим, если позволите, я уйду. Мне надо вернуться в часть. Я вижу, народу достаточно много, помогут.

БЕЖЕНЕЦ. Конечно, поможем.

МАНСУР. Возвращайтесь. Да хранит вас Аллах.

(Военный подходит и обнимает Махмуда.)

ВОЕННЫЙ. Ты – сын героя. Под стать отцу будь. Я видел, как ты держался. Я это запомню. Как урок. *(Уходит.)*

(Свет гаснет и вновь зажигается. Та же сцена. Гробы несут по разные стороны сцены. Махмуд стоит ровно посередине, не зная, за каким гробом последовать. Появившаяся Ясемен становится рядом с ним.)

МАХМУД. За что такая кара, Господи! Хоть разрывайся надвое... Прости меня, господи, я при жизни их грех на душу взял, сиротой себя счел... Вот ведь я накаркал... Вот оно, сиротство. Господи, дай сил. Врата к тебе открылись... И я паду к ногам Твоим...

ЯСЕМЕН. Опомнись, Махмуд. Аллах не милует малодушных... Порешить себя – как бежать от судьбы, от жизни, дарованной свыше...

МАХМУД. Как, как мне быть?

ЯСЕМЕН. Я не знаю... не смею судить... У нее, наверно... Я не знаю... Махмуд, не знаю...

МАХМУД. Я хочу умереть. Все во мне омертвело... Все мысли, чувства, сердце окаменело... я не могу даже плакать.

ЯСЕМЕН. А я? Я хочу жить. Видеть тебя, быть рядом с тобой. Ты... смысл моей жизни... На что мне этот мир без тебя? Ты и меня... убиваешь.

МАХМУД. А как мне быть?

ЯСЕМЕН. Ну, заплачь, заплачь, не держи в себе.

МАХМУД. Не могу, Ясемен, говорю же, не могу. Отцовский наказ в горле поперек...

ЯСЕМЕН *(Обнимает его.)* Плачь, милый мой. Плачь по отцу, по матери своей, плачь, плачь по этим двум злосчастным народам, плачь, облегчи душу свою...

МАХМУД.
Мне бы лучше не родиться.
Болью лютой не казниться.
Стать бы тучей черной в небе,
Ливнем горестным излиться.

ЭПИЛОГ

Свет гаснет. Вспыхивает экран с надписью: «Минули годы...» Махмуд и Ясемен уже в среднем возрасте, возле них – их сын и дочь, с гвоздиками в руках. Они склоняют головы перед могилами в Аллее шехидов.

Перевод Сиявуша МАМЕДЗАДЕ